

**Анатолий
ШЕНДЕРОВИЧ**

**ПРОКЛЯТИЕ
ПЕЛОПА**

Анатолий Семенович Шендерович

Проклятие Пелопа (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24856376

Проклятие Пелопа. – Анатолий Шендерович: ПРОБЕЛ-2000; Москва;

2015

ISBN 978-5-98604-495-8

Аннотация

В этот сборник вошли несколько эссе, опубликованные в разное время в периодической печати, а также несколько текстов, объединенных в разделе «Из семейных хроник»: эпизоды биографического характера, материалы из моих записных книжек, а также записки и выписки из книг, журналов и газет – любимое занятие, которое также и по праву можно отнести к этому разделу. *Автор*

Содержание

Эссе	5
Преданный простак	5
Король забавляется	7
Последняя шутка	12
Всешутейший собор	16
Король-притворщик	20
«Не нужны ли вам артисты?»	23
И плывет корабль дураков...	25
Двести лет спустя	26
Звезды и короны	28
О вечности здравого смысла	31
Бог против астрологов	35
Нимб святого	38
Шесть этюдов из Данте	41
Гвельфы и Гибеллины	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Анатолий Семёнович
Шендерович
Проклятие Пелопа**

© Шендерович А. С., 2015.

© ПРОБЕЛ-2000, 2015.

Эссе

Преданный простака

*...шут твой – преданный простака
Тебя он не оставит.
Лукавый попадет впросак,
Но глупый не слукавит.*

В. Шекспир. «Король Лир». (Перевод Б. Пастернака.)

Слова шута, приведенные в эпиграфе, не были ни шуткой, ни лукавством. Шут ко роля Лира и в самом деле не покинул свою господина, когда к нему пришла беда. Но, согласитесь, простаком его назвать трудно. Да и в глупости шута тоже не заподозришь, настолько очевидными оказываются его прозорливость и знание людей. «Простодушный», «дурачок» – не более чем маски, которыми прикрывались люди, избравшие для себя ремесло шута или назначенные исполнять эту роль. Маски эти настолько прочно вошли в шутовской обиход, что стали его неотъемлемым атрибутом. Об этом говорит про другого шекспировского шута – Виола, героиня комедии «Двенадцатая ночь, или Что угодно»:

«Он хорошо играет дурака.

Такую роль глупец не одолеет:
Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,
И разбираться в нравах и привычках,
И налету хватать, как дикий сокол,
Свою добычу. Нужно много сметки,
Чтобы искусством этим овладеть».

(Перевод Э. Линецкой.)

Если бы эти слова нуждались в подтверждении, то можно было бы привести мнение нашего непререкаемого авторитета Владимира Даля, писавшего в своем «Толковом словаре живот великорусского языка»: «Шут, шутиха – человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством...; шут обычно прикидывается дурачком... и чудит, и острит под этой миной». «Пора шутов и шутих миновала, – пишет далее автор „Толкового словаря“, – но до этого века они находили приют у каждого вельможи».

К этой последней фразе Владимира Даля нам еще предстоит вернуться. Пока же следует отметить, что В. Даль раскрывает еще одно значение слова шут: паяц, клоун, потешник. У шу тов этой категории тоже есть свой «вельможа», свой повелитель: толпа. Толпа, собирающаяся повеселиться у балагана на ярмарочной площади. Среди шутов, развлекающих толпу, маски «простодушного», «дурачка» пользовались не меньшим успехом, чем среди шутов при дворах вельмож. Но здесь отношения «властелин и шут» носили другой характер. Балаганный паяц только развлекал. Шут при дворе

тоже умел повеселить. Еще один из многочисленных шекспировских шутов – гамлетовский Йорик – сам не появляется в пьесе, на сцене извлекают из могилы лишь его череп. Но Гамлет хорошо помнит королевского скомороха: «Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки». «Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? – спрашивает принц, обращаясь к черепу шута. – Где взрывы заразительного веселья, когда со смеху покатывался весь стол?»

Однако придворный шут не только развлекал, его обязанности нередко выходили далеко за рамки остроумца и шутника. А порой весьма далеко. В королевских покоях среди слуг и лакеев всякого рода и звания, среди всевозможных дворецких и камергеров, фрейлин и камеристок шут стоял особняком. Зачастую alter ego своею властелина, порой его наперсник, соглядатай и сводник, шут мог позволить себе то, что никому другому не дозволялось.

О некоторых из них, оставивших свой след в истории, и пойдет речь.

Король забавляется

Пожалуй, самое известное нашему современнику имя шута – Риголетто. И вот почему.

История сохранила для нас имена тех, кто вершил ее: королей и императоров, князей и герцогов, Собственно гово-

ря, сама История – до того, как бородатые основоположники марксизма строго указали историкам на их легкомысленное преувеличение роли личности и историческом процессе, – писалась, главным образом, как деяния тех, кто был у руля власти. Даже если исторический труд назывался не «Жизнь двенадцати цезарей», как у Гая Светония, а «История франков», как у Григория Турского, – все равно такой трактат повествовал о цезарях, будь то цезари из династии меровингов, каролингов или какой-нибудь другой. Естественно, их имени вошли в учебники, энциклопедии и, следовательно, в нашу память.

А имена их шутов?

Историки не баловали их, упоминали через пятое-десятое или того реже. Хотя хорошо известно: от великого до смешного – один шаг. Этот шаг (но здесь в прямом смысле приближения) сделали писатели, живописцы, композиторы – люди с открытым для чувств сердцем и обостренным пониманием справедливости. Среди слуг, одетых в нелепые разноцветные одежды, в маски и колпаки с бубенчиками, развлекающих своих господ грубыми шутками, дурацкими выходками, комическими ужимками, они увидели людей, а в их искаженных шутовской улыбкой лицах – попорченную справедливость.

Одним из таких художников был Виктор Гюго. В 1832 году, когда парижане в очередной раз стали выворачивать из мостовой булыжники, на сей раз протестуя против режима

Июльской монархии, Виктор Гюго написал драму «Король забавляется». В драме говорилось о распутном короле Франциске I и о трагедии, которой обернулись распутные похождения короля для его шута Трибуле – личности вполне реальной.

В предисловии к своему сочинению автор писал: «Трибуле – урод, Трибуле – немощен, Трибуле – придворный шут: тройное несчастье, которое его озлобило. Трибуле ненавидит короля за то, что он король, вельмож – за то, что они вельможи, людей – за то, что не у всех горб на спине. Его единственное развлечение – беспрерывно стал кивать вельмож с королем, ломая более слабого о более сильного. Он развращает короля... разжигает в нем низменные чувства; он толкает его к тирании, невежеству, пороку... Король – лишь паяц в руках Трибуле, всемогущий паяц, и шут дергает его за ниточку».

В подталкивании короля к пороку Трибуле преуспел. В том, что называют изящным эвфемизмом «амурные приключения», Франциск I действительно был неутомим. О его похождениях написано предостаточно – начиная от Маргариты Наваррской, родной сестры короля, которая в своем сборнике новелл «Гептамерон» под именем «одного принца» вывела своего венценосного брата, и кончая Ги Бретоном, чья многотомная история Франции под общим названием «Женщины и короли», повествующая об альковных деяниях французских монархов и их приближенных, сейчас издается

и в России.

Что же до невежества, к которому якобы толкал своего господина Трибуле, то здесь картина была иной: Франциск I известен как покровитель искусств, под его патронажем творили Маргарита Наваррская и Клеман Моро, Франсуа Рабле и Бенвенуто Челлини...

В. Гюго не мог не знать этого. Но не мнимое невежество короля, не действительное его сластолюбие были главными мишенями писателя. Гюго обличал тиранию.

Пьеса была поставлена и после первого же представления запрещена цензурой. Цензоров, надо полагать, не очень заботили забавы короля, жившего тремя столетиями раньше. Они, безусловно, поняли, в какую цель метил автор пьесы. Время же было тревожное: не успели французы свергнуть одного Бурбона, Карла X, как на трон забрался его кузен, герцог-буржуа Луи Филипп. Трон сто ял не очень устойчиво. Цензоры обязаны были глядеть в оба.

Тщетная предосторожность. Монархия во Франции приказала долго жить. Пьесу Гюго вскоре забыли – высокими художественными достоинствами она не отличалась, злободневность же ее пропала. А вместе с пьесой канул снова в Лету ненадолго извлеченный из нее романтиком Гюго придворный шут Франциска I бедняга Трибуле.

Но тут вмешалась сама судьба в лице великого Джузеппе Верди. Пьеса попала на глаза композитору, сюжет сам просился в оперу. Ф. Пьяве, либреттист Верди, уже заканчивал

работу, когда на сцене вновь по явилась цензура. На сей раз итальянская. Она потребовала немногого: перенести место действия и изменить имена действующих лиц.

Вмешательство цензоров оказалось к вящей славе искусства. Французские цензоры погубили достаточно ходячую пьесу. Итальянские цензоры спасли шедевр мировой оперной классики – оперу «Риголетто». Действие оперы происходит в итальянском городе Мантуе, где герцог Мантуанский совращает дочь шута, а помогает ему в этом (сам того не ведая) несчастный отец, придворный шут Риголетто, горбатый и хромой. Едва закончилось интрижка с дочерью шуга, как на глаза герцогу попадает новая красотка. Увлеченный ею, оперный герцог, словно оправдывая собственное легкомыслие, поет о легкомыслии женщин: «Сердце красавицы склонно к измене...»

Опера имела громадный успех, а песенку герцога на следующий день после премьеры пела «вся страна». Ее поют – и с удовольствием слушают – и по сей день, и не только в Италии. Вот почему можно предположить: среди шутов самый известный для нас остается Риголетто – оперный двойник несчастного Трибуле.

Карьера настоящего Трибуле началась еще до восшествия на престол Франциска I, при дворе его предшественника Людовика XII, которому Франциск приходился двоюродным племянником. Здесь, при дворе Людовика XII, Трибуле поручили должность шута, заменив им умершего в 1514 году

Кайета и дав прозвище Трибуле (настоящее имя его – Ферналь). С этим прозвищем он и вошел в историю. Современник Рабле, «глупомудрый Трибуле» вскоре оказался на страницах его знаменитого романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Трибуле умер в 1536 году. Его трагедия разыгралась при дворе любвеобильного Франциска I, когда у Трибуле подросла дочь. (Хотя вполне могла произойти и раньше – Людовик XII был сластолюбив не меньше своего племянника). Кто знает, может быть, слепой рок избрал Франциска для того, что бы с его помощью покарать несчастного шута за потворство распутным похождениям своего властелина.

Последняя шутка

Во Франции, пишет Ги Бретон, мода на шутов восходит еще ко временам первых Каролингов. Они появились уже при дворе Людовика Благочестивого (IX век), сына Карла Великого. По большей части это были карлики, горбуны и обладатели других уродств, которые одним своим внешним видом давали повод повеселиться придворной челяди и вельможам короля. Отсутствие природных недостатков шуты компенсировали «уродством» одежды. Красочное описание шутовского наряда можно найти и в романе Вальтера Скотта «Айвенго», в котором весьма важную роль играет шут Вамба:

«Его куртка была выкрашена и ярко-пурпурный цвет, а на

ней намалеваны какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут... короткий плащ из малинового сукна, отороченный ярко-желтой каймой... На руках этого человека были серебряные браслеты, а на шее – серебряный ошейник с надписью „Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Роттервудского“. К его шапке были прикреплены колокольчики... По шапке с колокольчиками, да и по самой форме ее, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи...».

Для потехи в дело шло все что угодно.

Придворный шут герцога Феррары Гонелла держал необыкновенно худую клячу, которая сама по себе была предметом нескончаемых шуток. Слава об этой кляче перешагнула границы Италии, о ней прослышал Сервантес. Так лошадь придворного шута феррарского герцога стала прототипом знаменитого Росинанта, на котором совершал свои бессмертные подвиги славный рыцарь Дон Кихот.

Один из придворных шутов французского короля Карла V Мудрого и его супруги Жанны Бурбонской, Тевенен де Сен-Лежье, от природы был «наделен» классическим шутовским набором: горбатый и хромо́й карлик, он был остроумен и дерзок. Но, как и множество его собратьев по цеху, он так и остался бы в неизвестности, если бы не его необыкновенные способности, пригодные для услады женщин. Придворные

дамы, отвергавшие притязания прекрасных рыцарей, мечтали провести с этим карликом хотя бы одну ночь. И шут Тевенен де Сен-Лежье не разочаровал ни одну из придворных дам Карла V.

Шло время, и на смену горбатым карликам в шутовскую гильдию стали попадать стройные красавцы, не только остроумные, но и хорошо владевшие шпагой. Одним из них был Антуан д'Ангерэ.

Французский дворянин, гасконец, лейтенант, он служил в качестве шута двум французским монархам: последнему Валуа – Генриху III и первому Бурбону – Генриху IV. Имя этого шута вряд ли что-нибудь говорит читателю. Но если назвать его прозвище – Шико, многие сразу же вспомнят верного слугу Генриха III из романа Александра Дюма «Графиня де Монсоро» и постоянного спутника Генриха IV из романа Генриха Манна «Зрелые годы короля Генриха IV».

Те, кто читал «Графиню де Монсоро», по мнят, разумеется, что Шико не столько развлекал Генриха III, сколько опекал, наставлял и предостерегал своего патрона. Он открывал королю глаза на истинные мотивы поступков людей из королевского окружения, он видел коварство недругов короля. Но, несмотря на все старания, уберечь своего патрона Шико не сумел. Генриха III настигает кинжал убийцы: короля, идущего на уступки протестантам, убивает фанатичный католик, доминиканский монах Жан Клеман.

Смерть последнего Валуа не привела к торжеству руково-

дителей Католической лиги, направлявших руку убийцы. К власти при шел гугенот Генрих IV Бурбон, решивший, что «Париж стоит мессы», и провозгласивший веротерпимость. Шико, словно повторяя путь Трибуле, переходит на службу к новому монарху. Впрочем, этим сходство и кончается. Шико остается Шико. Это подтверждают и слова Генриха Манна: «Шико имел право высказывать все, о чем другие помалкивали, а по тому назывался шутком короля и, обладая не заурядным умом иронического склада, создал себе из этого должность. Король делал вид, будто и вправду утвердил его в такой должности, и временами поручал дворянину, носившему звание шута, распространять истины, в которых сам не хотел еще признаться. Новые истины прежде всего разрешены шуту».

Столь незаурядная личность, Шико, однако, стал жертвой самой заурядной своей шутки. Во время одного из многочисленных сражений, которые вел Генрих IV, храбрый гасконец, неизменно сопровождавший в походах своего короля, взял в плен графа де Шалиньи. Представляя пленника Генриху IV, Шико сказал, что доставил пленника в качестве подарка. Оскорбленный шуткой, граф ударил Шико по голове рукояткой шпаги. Удар оказался смертельным, а шутка – последней шуткой знаменитого шута.

Всешутейший собор

Гегель говорил: «Ничто великое не совершается без страсти». Великий преобразователь России со страстью делал все: строил и воевал, учился и учил, рубил головы и стриг бороды. Со страстью Петр I предавался и всевозможным увеселениям, которых сам же был великий выдумщик. Сподвижников в этой его страсти у царя было предостаточно – и добровольных, и тех, кто и не рад был собственному шутовству.

В петровские времена знатные люди увеселялись болтовней карлиц и попугаев.

С. М. Соловьев, рассказывая об этом в своей «Истории России», приводит фразу из письма Меншикова своей жене: «Послал я к вам ныне в презент двух шляхтенок-девок, из которых одна маленькая, может вам за попу гая быть; такая словесница, ... может вас больше увеселить, нежели попутай». И такие шуты были необходимой принадлежностью двора и знатных домов.

Но Петру этого было мало. Он организовал при дворе «всешутейший собор» во главе со «всешутейшим патриархом» Никитой Зотовым. В этом соборе, где сам Петр числился простым «дьяконом» обязана была принимать участие и петровская знать. Никакие чины и звания не давали право устраниваться от царских забав.

Об одной из таких забав – со слов современника – пишет

С. М. Соловьев: «В январе 1694 года женился шут Яков Тургенев на дьячей жене; а за ним в поезде были бояре, окольниковичие, думные и всех чинов палатные люди; а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках, а в платьях смешных: кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенинных кафтанах... А Тургенев сам ехал с женою в государственной лучшей бархатной карете; а за ним шли Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагарины в бархатных кафтанах, женился он, Яков, в шатрах на поле между Преображенским и Семеновским, и тут был банкет великий три дня».

В 1830 году К. А. Полевой издал «Собрание анекдотов Балакирева», известного петровского шута. Позднее это собрание анекдотов, дополненное анекдотами других авторов петровского времени, было переиздано. Так появилась книга «Шут Балакирев. Собрание исторических анекдотов, шуток, острот знаменитого шута и других», вышедшая в Санкт-Петербурге в начале нашего столетия.

Следует заметить, что авторство Балакирева и его коллег подвергалось сомнению. В «Русской старине» за 1873 год известный тогда популяризатор истории С. Н. Шубинский писал, что эти анекдоты скорее всего приписываются шутам Петра I. Аргументируя свою точку зрения, историк отмечал, что современные Петру Великому писатели, рассказывая о царских забавах и шутах, даже не упоминают имени Балакирева. Между тем в этой же статье С. Н. Шубинский довольно обстоятельно рассказывает как о самом Балакиреве, так

и еще о двух шутах той поры – д'Акосте и Педрилло.

Иван Емельянович Балакирев родился в 1699 году. Сын бедного дворянина, он в 1718 году, вместе с другими дворянскими отпрысками был вызван в Петербург на службу и определен «к инженерному учению». Инженерное учение, видимо, но сильно захватило веселого и быстрого на язык молодого человека. Вскоре он познакомился с камергером Монсом, который пользовался благорасположением Екатерины I, и таким образом оказался при дворе в должности шута. Несколько лет спустя обнаружилось еще одно свойство обладателя остроумного языка: он был нечист на руку. Балакирев был уличен по взяткам, бит батогами и отправлен на три года в ссылку. Вот выдержка из приговора, зачитанного провинившемуся шуту: «Понеже ты, отбывая от службы и от инженерного учения, принял на себя шутовство и чрез то Вилимом Монсом добился ко двору его императорского величества...» Иными словами, шутовство его были нечто вроде альтернативной службы.

Шутовская карьера Ивана Балакирева на этом, однако, не кончилась. После воцарения Анны Иоанновны он был возвращен ко двору и снова стал придворным шутом.

Другой шут, анекдоты которого представлены в «Собрании исторических анекдотов», был выходцем из Португалии – Ян д'Акоста (современники прозывали его Лакостой). Некоторое время он носил звание главного петровского шута. Петр благоволил к Лакосте: кроме остроумия и смеш-

ной фигуры, шут отличался еще способностью разговаривать на многих европейских языках и поражал окружающих превосходным знанием Священного писания. Влияние Лакосты было столь велико, что имевший неосторожность ухаживать за его дочкой знаменитый впоследствии лекарь Лесток был по просьбе шута сослан в Казань. За усердную шутовскую службу, кроме прочего, Петр даровал Лакосте титул «самоедского короля».

Еще один «автор» анекдотов из сборника «Шут Балакирев» – Педрилло (на самом деле итальянец Пьетро Мира) приехал в Россию уже после смерти Петра I, в царствование Анны Иоанновны. Появившись в Петербурге как музыкант, он быстро оценил обстановку при дворе императрицы: шутовство показалось ему делом гораздо более прибыльным, чем музыка. Педрилло определился в шуты.

Вот образчик анекдотов из сборника «Шут Балакирев», относящийся к Педрилло: «Граф Братислав, цесарский посол при русском дворе, любил кичиться своими предками. Заметив это, Педрилло сказал ему в присутствии большого общества:

– Тот, кто хвастается только одними предками, уподобляет себя картофелю, которого все лучшее погребено в земле».

Разные люди составляли архитектуру петровского «всешутейного собора». Знаток старины М. И. Семевский в книге «Слово и дело!» (1884 г.) привел такую историю: камер-фрейлину двора Марию Даниловну Гамильтон, которая

убила своего незаконнорожденного младенца (отцом младенца, как полагали, был Петр I), приговорили к смертной казни через отсечение головы. Привел приговор в исполнение умерший в 1722 году обер-кнутмейстер Петра I, палач, исправлявший одновременно и должность придворного шу-та...

Король-притворщик

Во второй половине XVI века во Франции вышел коллективный сборник «Необычайных историй, извлеченных из многих знаменитых авторов». Две из пяти книг этого сборника принадлежали перу Франсуа де Бельфоре, писателя, как мы сказали бы сегодня, школы Маргариты Наваррской. Одна из «Необычайных историй», написанных Бельфоре, – история третья – была не более чем переработкой рассказа о Гамлете известного хрониста XII века Саксона Грамматика, сочинение которого под названием «Деяния датчан» незадолго до того было опубликовано во Франции. Эта история в изложении Бельфоре была использована Вильямом Шекспиром при создании знаменитой трагедии о Гамлете, принце датском. Шекспир весьма вольно обошелся с материалом, почерпнутым у Бельфоре. Но нам здесь важно не то, что принц Гамлет вовсе не погиб на дуэли, уколотый шпагой с отравленным клинком, а стал королем Дании и только уже потом пал на поле брани. Для нашей темы важно дру-

гое: удивительное умение Гамлета притворяться, его склонность к актерству и шутовству. Собственно говоря, вся история, пересказанная Бельфоре, – об этом. В традициях, идущих от писателей раннего Возрождения, предварять каждый рассказ или новеллу кратким резюме, и Бельфоре так представляет читателю свою историю: «История третья – о том, какую хитрость задумал Гамлет, в будущем король Датский, что бы отомстить за своего отца Хорввендила, убитого его родным братом Фангоном, и о других событиях его жизни».

Какую же хитрость задумал принц Гамлет?

Он притворился помешанным. «Но Гамлет был хитер и предусмотрителен и опасался выдать себя, неосторожно заведя с королевой серьезный разговор, – пишет Бельфоре. – И потому, войдя в комнату, он на первых порах продолжал свои глупые выходки: закукарекал, захлопал руками, точно пе тух крыльями...»

Шутовство? Безусловно. Шутовство, свойственное натуре и поведению многих сильных мира сего. Это и Иван Грозный, истово, хотя и зловеще, играющий роль смиренного инока и посадивший – ненадолго – на трон Симеона Бекбулатовича. Это и Петр Великий, о шутовских игрищах которого мы уже вспоминали, и многие другие. Читатели «Графини де Монсоро» помнят, что Генрих III время от времени менялся с Шико местами, и шут важно восседал на троне. Безымянный византийский историк, которого называют «Продолжатель Феофана», оставил для потомков описание

шутовских выходок императора Михаила III, последнего из аморейской династии. Михаил устраивал шутовские спектакли, нечто вроде «всешутейного собора» Петра, в которых «патриарх» выбирался из окружения императора, а сам он брал себе роль подчиненного.

Повествуя о хитростях Гамлета, Бельфоре видел в поведении датского принца определенную традицию: «...Под прикрытием безумия он утаил свои замыслы... В этом он пошел по стопам одного знатного юноши-римлянина, который тоже выдавал себя за сумасшедшего, за что и получил прозвище „Брут“. Бельфоре вспоминает в связи с этим „царя Давида, который притворялся безумным, чтобы обмануть палестинских царьков и уцелеть“».

Говоря о шутовстве «вельможном» и о шутовстве вообще, следует, видимо, при вести еще одну цитату из третьей истории Ф. Бельфоре:

«...Сомнения грызли Фангона; ему и раньше сдавалось, что юродивый сыграет с ним когда-нибудь скверную шутку, и он давно убрал бы его со своей дороги, если бы не страх прогневить деда его Рорика и оскорбить королеву-мать этого шуга».

Дядя Гамлета – Фангон (а скорее всего, автор этой истории Ф. Бельфоре) не различает эти два понятия – «шут» и «юродивый». Мы и сегодня сплошь и рядом употребляем эти слова как синонимы. «Не юродствуй, Илья!» – строго выговаривает физик Гусев (А. Баталов) физику Куликову (И. См-

октуновский) в фильме «9 дней одного года» – после очередной шутки последнего.

Впрочем, можно найти и примеры обратного. В упомянутом выше многотомном труде Ги Бретона «Женщины и короли» автор пишет: «Карл Мудрый был первым королем, который „завел“ при дворе не только шутов, но и юродивых».

Здесь нет возможности разбирать различия между ними. Желаящих можно отослать к сравнительно недавно вышедшей у нас уникальной в своем роде книге С. А. Иванова «Византийское юродство», которая не оставляет сомнений в принципиальном различии этих явлений – юродства и шутовства.

«Не нужны ли вам артисты?»

Настало время выполнить обещание и вернуться к словам Владимира Даля, в которых он высказал уверенность, что «пора шутов и шутих миновала».

В этих словах – весьма характерное заблуждение, свойственное просветительскому умонастроению вообще. По прошествии нескольких веков раскрепощения человеческого разума – от раннего Возрождения до вольнодумного XVIII века – просвещенное общество окончательно уверилось в преобразующей силе разума, в прогрессе самого homo sapiens и спешило расстаться со всеми атрибутами «мрачного Средневековья» и пережитками других форма-

ций, неуместными в век просвещения.

Увы. Ничего такого не произошло. Изменились технологии. Изменились одежды. Но человек не изменился. Об этом, между прочим, и говорил физик Куликов физику Гусеву. Говорил в шутовой форме, за что и «схлопотал» обвинение в юродстве.

«Но нужны ли вам артисты? Буквально 5–6 человек, для праздника?» – спрашивал герой знаменитого монолога Михаила Жванецкого, начинавшегося словами: «Министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит».

Сегодня никто, кроме нескольких европейских монархов – и то в очень торжественных случаях, не носит корон. И никто не обряжается в шутовские одежды. Но люди, которые «очень хорошо выглядят», есть по-прежнему. И артисты им нужны. Не только и не столько в театре. А в более узком и интимном кругу. Для праздника жизни. Для веселья. Для потехи. Еще свежо в памяти время, когда таких людей называли номенклатурой. Вспоминая об этом времени, Спартак Мишулин писал: «Мы ведь шутами при них были, в баню нас брали. Хорошо кормили. Общались...»

Пора шутов миновала?

Ничуть. Жизнь продолжается.

«Наука и жизнь», 1996, № 7.

(Из цикла «Исторические миниатюры»)

И плывет корабль дураков...

*Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.*

А. Пушкин. «Евгений Онегин».

В многотомной «Истории России...» знаменитый наш историк Сергей Михайлович Соловьев приводит прелюбопытнейший факт:

«В 1771 году уфимский воевода Борисов донес оренбургскому губернатору, а тот – Сенату, что в городе Уфе при соборной церкви слышан был многократно происходящий с высоты невидимо колокольный звон. Сенат приказали: как вышеописанный колокольный звон какую ни есть простую и натуральную причину имеет, то оренбургскому губернатору, выбрав какого-либо надежного человека, препоручить ему изыскать ту причину...»

Что же здесь любопытного? А вот что.

Уфимские горожане-прихожане неоднократно слышат раздающийся неизвестно откуда колокольный звон и, видимо, встревожены этим: к чему бы это? Не знамение ли? Если знамение, то чего? Городской воевода Борисов, похоже, разделяет тревоги горожан и считает своим долгом донести

о происходящем оренбургскому губернатору: всякие слухи (а не дай Бог, и волнения) ему ни к чему. Оренбургский губернатор, вероятно, просто по долгу службы, но совершенно очевидно – не желая вникать (на то начальство есть!), доносит тревожную весть до Сената.

На что Сенат «приказали»: вышеозначенный колокольный звон какую ни есть **простую и натуральную причину** имеет; оренбургскому губернатору, выбрав какого-либо **надежного человека**, препоручить ему **изыскать ту причину**... Обратим внимание на дату происходящего: 1771 год. Два с четвертью века назад. Никакой мистики. В основе непонятого для горожан явления наверняка имеется простая и натуральная причина – Сенату это ясно.

Двести лет спустя

Подойдем к любому книжному или газетно-журнальному развалу, что на каждом углу. Перед глазами – десятки изданий, рассчитанных на тех, кто не способен или не хочет (этих – больше) видеть естественные («натуральные», по терминологии двухсотлетней давности) причины явлений, сопровождающих нашу жизнь. С обложек и разворотов на нас смотрят ясновидящие и маги, как черные, так, разумеется, и белые, колдуны тех же расцветок, астрологи всяческих категорий, шаманы и просто гадалки. Они могут всё! Гадать. Снимать вредные зависимости. Создавать энергетиче-

ские щиты – амулеты, оберегающие от порч и сглазов. Снимать синдромы типа «неудачник». Управлять энергетикой денег (!), а так же привлекать их. (Заметим: привлекать деньги в свои карманы они действительно умеют.)

Тут не просто книжки или брошюрки. Тут – энциклопедии, антологии, справочники по мистике, астрологии, оккультизму, нумерологии, а также экстрасенсорике, уфологии, йетике (от йети – снежный чело век; не путать с этикой) и т. п. Авторы – академики всевозможных Академий, в крайнем случае – профессора...

Заманчиво перейти здесь к вечной теме упадка нравов, заката цивилизации и наступления столь давно ожидаемого конца света. Однако будем справедливы: сетованиям такого рода столько же времени, сколько и самой человеческой цивилизации. Человек с тех пор, как он вышел из кромаignonской пещеры, мало изменился. Конечно, другими стали его одежда, жилище и питание. Принципиально изменились различные технологии, которыми теперь он пользуется. С помощью «высоких» технологий человек изменил среду обитания, причем в худшую для себя сторону и в катастрофических масштабах. Именно это обстоятельство, пожалуй, единственное, дает повод ученым всерьез обсуждать проблемы выживаемости вида *homo sapiens*. Карл Линней, создавая свою классификацию, присвоил нам имя *homo sapiens*, то есть человек разумный. Сегодня, спустя более чем два с половиной столетия, все более очевидно, что великий ученый

несколько погорячился. Мы этого звания не заслужили...

Неизменность человеческой природы – тема старая. Она, в частности, привела когда-то Никколо Макиавелли к любопытной мысли: раз исправить человеческую природу нельзя, надо принимать ее как данность, и этим руководствоваться в своих действиях. Так родилось его знаменитое наставление для правителей – книга «Государь» (она была написана в 1513 году, опубликована в 1532), а с ней – и недобрая слава автора этой книги, в концентрированном виде выраженная одним словом – «макиавеллизм».

На эту «неизменность» человеческой природы можно смотреть по-разному. Меньше всего мне хотелось бы лишний раз побрюзжать по поводу нынешней экспансии всякого рода магий. Более продуктивным представляется напомнить читателю, что всегда были люди, которые смотрели на вещи здраво и таким образом противостояли изначально присущей человечеству, окруженному со всех сторон грозными силами природы, вере в чудеса. Но сначала – два эпизода.

Звезды и короны

С давних времен звезды и планеты – главные атрибуты для любых предсказателей. Люди сверяли свою жизнь с указаниями астрологов, свято верили в них, как и в другие предшественницы современных наук – алхимию, каббалистику и т. п. По истине непререкаемый авторитет в астрологии

сумел создать себе живший в XVI веке знаменитый французский врач, маг и предсказатель Мишель Нострадамус. Он был, несомненно, умным человеком. Его так называемые «Центурии» написаны столь искусно и туманно, что вот уже несколько столетий в них заглядывают как в справочник и находят «точные указания» относительно не только событий, но и имен, попавших в средства массовой информации.

Пьер Шевалье, современный автор одной из многочисленных биографий французского короля Генриха III, рассказал о примечательном эпизоде из жизни последних Валуа, связанном со знаменитым пророком. В октябре 1564 года недавно взошедший на престол молодой король Карл IX совершал длительное турне по Франции. Сопровождавшая сына королева-мать Екатерина Медичи была инициатором его встречи со знаменитым магом и пророком Мишелем Нострадамусом. Король и прорицатель долго беседовали. Нострадамус сообщил, что Карлу IX отмерено 90 лет жизни (в те времена мало кто доживал до столь почтенного возраста). Екатерина Медичи осталась очень довольна пророчеством, в знак благодарности подарила магу 200 экю и назначила его королевским советником и врачом.

Карл IX умер в 24 года. Историк не рассказывает, как реагировала Екатерина Медичи на столь сильный конфуз знаменитого астролога. Судя по тому, что известно о Нострадамусе в наше время, ему не привелось испытать какие-либо преследования в связи с неудачным предсказанием. Скорее

всего, королеве-матери было не до него.

Незадолго до смерти Карла IX она правда ми и неправдами добилась, чтобы младший брат короля Генрих был избран на польский трон. И вот теперь надо было спешно отзывать его из Польши, чтобы трон Франции остался в семействе Валуа, то есть достался ее любимому Генриху. Новоиспеченный король Польши тайно бежал от своих верноподданных и, добравшись до родины, был коронован под именем Генриха III. Так что у королевы-матери хватало забот и без злосчастного предсказателя.

Впрочем, Мишель Нострадамус был, очевидно, хорошим психологом и прекрасно знал человеческую натуру: предсказывать титулованной особе близкую смерть было бы край не недалновидно. Не исключено, что он знал об одном подобном предсказании, сделанном полтора века до того миланскому герцогу Джан Галеаццо Висконти. Некий предсказатель напроорочил герцогу близкую смерть. Герцог, который, чтобы стать властителем Милана, не дрогнув, отправил на тот свет своего дядю, спросил бедолагу-астролога: «Как ты узнал об этом?». «По звездам, тайны которых открыты мне», – ответил тот. «А сам ты долго проживешь?» – задал вопрос герцог. «Моя планета сулит мне долгую жизнь», – отвечивал ничего не заподозривший прорицатель. «Ну так не верь своей планете, – вскричал герцог, – ты умрешь сейчас же!» Астролога повесили без промедления.

Венгерский писатель Иштван Рат-Вег в своей «Истории

человеческой глупости» приводит еще один пример не совсем удачного предсказания коронованной особе. Речь идет об английском короле Эдуарде VIII, получившем трон в начале 1936 года. В гороскопе, который был составлен специально для Эдуарда, среди прочего указывалась и точная дата его коронации. Однако до коронации дело не дошло: он отрекся от престола в пользу своего брата, предпочтя королевскому титулу женитьбу на Уоллис Симпсон. Эту женщину он горячо любил, но не мог, будучи королем, вступить с ней в брак: она не принадлежала к аристократическому кругу. Еще до наступления назначенной астрологом даты бывший король – а теперь герцог Виндзорский – жил со своей избранницей как частное лицо.

Эти попадания пальцем в небо, усыпанное звездами, – следствие попыток астрологов выражаться не туманно, не намеками, а вполне определенно. К чему при водят такие попытки, хорошо известно. Не зря еще Гораций писал:

*Никто не может знать и предчувствовать,
Когда какой беречься опасности.*

О вечности здравого смысла

Примеры, о которых шла речь, достаточно известны и говорят сами за себя. Они вряд ли переубедят тех, кому трудно опираться на собственные силы и кто уповает на помощь

экстрасенсов и колдунов, магов и предсказателей. Не зря мы теперь иногда говорим о ренессансе средневековья. Но ведь «Средние века – понятие не столько хронологическое, сколько содержательное», – писал советский историк А. Я. Гуревич. Как в наши дни многие мыслят средневековыми категориями, так и в средние века – и даже гораздо раньше – хватало людей, которые смотрели на вещи здраво и не спешили объяснять непонятные, а то и наводящие страх явления природы неблагоприятным расположением звезд или кознями дьявола. Историк Флоренции Джованни Виллани, младший современник Данте, упоминая о повторном основании города римлянами, который ими же был некогда разрушен, говорил: римляне «сохраняли некоторые предрассудки по обычаю язычников, так что во всех своих начинаниях они следовали указаниям звезд». «Древние считали, – писал Виллани, – будто невозможно отстроить Флоренцию, пока не будет найдена и поднята со дна Арно мраморная статуя... Мы не хотим утверждать и не можем даже поверить, чтобы каменный истукан имел такое действие, потому что так могут думать язычники и авгуры, притом люди скорее наивные, а не разумные... Но мы не разделяем их мнения, потому что расположение планет не предполагает неотвратимости событий и не может пересилить свободную волю людей...» Оценки Дж. Виллани полностью совпадают с точкой зрения его великого современника Данте Алигьери:

*Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.*

*Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмщенье зла.*

*«Божественная комедия». «Чистилище», XVI, ст. 67–72.
(Перевод М. Лозинского.)*

Столь же трезвый взгляд демонстрирует средневековый хронист и в других случаях. Например, огненный столб, который однажды «видели своими глазами» жители Авиньона, он истолковывает как радугу. Очевидно, он неплохо знал психологию человека и его слабости: люди видят то, что хотят видеть, и слышат то, что ожидают услышать.

Среди тех, кто предлагал и по-прежнему предлагает людям свои услуги, значительное место занимают толкователи снов. Ведь будущее человека написано не только на небе: «специалист» может рассказать вам о нем и по вашим снам. Но для этого надо быть действительно специалистом, каковым и был Артемидор (II век до н. э.), знаменитый греческий предсказатель и толкователь снов, автор одного из первых дошедших до нас сонников – «Oneirocritica». Откровенные и поучительные рассуждения Артемидора представляют нам автора как человека вполне здравомыслящего, который прекрасно понимает цену всем этим толкованиям. «Быть толко-

вателем снов, – пишет Артемидор, – не легко. Надо самым тщательным образом расспросить того, кому приснился сон, в каких условиях он живет? В чем призвание его жизни? Какова его семейная жизнь? Каково телосложение?... И если все детали сна известны, не обходим еще врожденный талант, чтобы остроумными обобщениями найти верное толкование».

Вот одно из наставлений для толкователей снов из книги Артемидора, которое при водится в уже упомянутой «Истории человеческой глупости»:

«Кому-то снится младенец. Значение это го сна меняется в зависимости от того, кому он снится. Предсказания могут быть самыми разнообразными, иногда даже диаметрально противоположного смысла. Для бедного человека этот сон означает, что вскоре найдется кто-то, кто позаботится о нем, потому что о младенце ведь тоже надо заботиться. Но если этот сон приснится ремесленнику, будет беда: его мастерская за чахнет, потому что руки у младенца не свободны, что символически означает, что он не в состоянии поднять инструмент. Богатый человек должен приготовиться к тому, что хозяином в его доме станет другой, ибо младенца не спрашивают, что он хочет, а распоряжаются им по своему усмотрению...» Знаменитый немецкий поэт Себастиан Брант в своей сатирической поэме «Корабль дураков» (1494 год) писал:

С прискорбием гляжу теперь я,

*Как расплодился суеверья:
Толкуют тот или иной
Крик птицы в тишине ночной,
И сны берутся толковать,
И прорицать, и колдовать,
Тщась от Луны добиться ясной
Того, что просят днем напрасно...
Они не только без планет
Истолковать дерзают, – нет! —
По ходу звезд хотят исчислить,
О чем способна муха мыслить
И приговор судьбы грядущей:
Кому привалит куш большущий,
Кто будет счастлив, кто умрет.
Морочат чепухой народ!*

(Перевод Л. Пеньковского.)

Книга Себастиана Бранта пользовалась большим успехом. Но... Через сто лет после появления «Корабля дураков» Мишель Нострадамус спокойно создавал свои «Центурии». Еще через четыреста лет мы, обитатели этого корабля, с тревогой вчитываемся в нарочито туманные строки «Центурий», пытаемся понять их и все толкуем о конце света...

Бог против астрологов

В противостоянии здравого смысла и человеческой глупости, олицетворяемой потребителями всяческого шаман-

ства, церковь оказалась на стороне здравого смысла. Кому-то это может показаться странным, однако в позиции церкви есть своя железная логика, кратко выражаемая четкой латинской формулой: «Credo, quia absurdum» – «Верую, потому что нелепо». Менее вызывающе и гораздо более понятно та же мысль звучит в хорошо всем известном постулате: «Все в руках Божьих».

В самом деле. Если все в воле Божьей – а иначе нет церкви! – то никакому шаманству, колдовству, предсказательству просто не должно быть места. Наша православная церковь называет всевозможные проявления суеверия кратко и сильно: бесовщина. И здесь позиции человеческого разума и слепого следования церковному вероучению парадоксальным образом сходятся. И (да простится автору небольшое злоупотребление латынью) – *volens nolens* – церкви приходилось бороться с различными суевериями и всевозможными прислужниками нечистой силы – колдунами, ведьмами и т. п. Последних в свое время усердно сжигали, костры пылали по всей Европе, но даже инквизиция понимала: костры – не решение вопроса. И в то время, когда монахи-доминиканцы, монахи-инквизиторы, профессора теологии Я. Шпренгер и Г. Инститорис сочиняли (во второй половине XV века) свой знаменитый трактат «Молот ведьм», где «исследовались» всевозможные действия нечистой силы и способы борьбы с ней, другие деятели церкви старались апеллировать к здравому смыслу и стремились донести до верую-

щих натуральные причины происходящего. Далеко не все и не всегда были озабочены этой проблемой, но наиболее просвещенные и наименее фанатичные служители церкви старались отвлечь паству от пагубы волшебства именно таким способом.

Жан Фруассар, хронист и поэт XIV века, рассказал о случае, происшедшем с одним гасконским дворянином, который совершил полет в сопровождении некоего духа по имени Хортон. Не вдаваясь в объяснения, Фруассар отнес этот случай к заблуждению. Однако по-другому посмотрел на «полет» гасконского дворянина французский теолог, канцлер Парижского университета Жан Жерсон, который постарался найти ему вполне естественные причины. Многие суеверия, говорит он, порождаются единственно лишь игрою воображения и меланхолическими мечтаниями; в тысячах случаев это болезненные отклонения фантазии, возможные, например, вследствие каких-то внутренних поражений мозга.

Подобного же взгляда, достаточно просвещенного (значительное место в суевериях занимают языческие пережитки и игра воображения) придерживался и кардинал Николай Кузанский (XV век), знаменитый философ и теолог, веривший в могущество человеческого разума.

В борьбе с суевериями церковь старалась не пропустить ничего, что могло бы хоть на минуту дать людям повод доверить свои проблемы кому бы то ни было, кроме Господа

Бога. «Не обращался ли ты к искусству гадания или магии, начиная какое-нибудь дело, вместо того, чтобы призвать имя Божье?» – вопрошал прихожанина средневековый исповедник, следуя прямым указаниям пенитенциалиев («покаянных книг»). Так назывались специальные пособия для исповедников, которые содержали перечни грехов и устанавливали епитимьи за них.

Нимб святого

Среди тех, кто искал и находил естественные и натуральные причины всего, что окружало человека, следует назвать выдающегося художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Собственно говоря, художником его называют лишь потому, что материальные следы его трудов воплощены для большинства в живописных творениях, таких, как «Джоконда» или «Тайная вечеря». Круг его интересов был неимоверно широк, сфера его деятельности необычайно многогранна: живопись, архитектура, скульптура, анатомия, ботаника, оптика, астрономия, философия... Перечислять можно еще и еще. Он изобретал летательные машины и под водные лодки, строил фортификационные сооружения и дамбы... Последние годы жизни провел во Франции, куда прибыл по личному приглашению боготворившего его короля Франциска I. Другой знаменитый художник Возрождения, скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини писал в своем «Жизнеописании,

им самим составленном»: король не верил, «что на земле когда-либо жил чело век столь обширных знаний, как Леонардо...» «Человек столь обширных знаний» по определению не мог искать таинственные, противоестественные причины каких-либо явлений, с проявлением которых он сталкивался на протяжении своей долгой жизни. Итальянский архитектор и художник, больше про славившийся как историк искусства, Джорд же Вазари в «Жизнеописаниях художников» утверждал, что «у Леонардо был настолько еретический склад ума, что он не исповедовал ни одной религии и верил, что, наверное, лучше быть философом, чем христианином». Многие отмечали, что Вазари не всегда был точен в созданных им «Жизнеописаниях», но этот отзыв о Леонардо подтверждается всем творчеством великого деятеля Возрождения, о котором сказано: «Он проснулся очень рано, когда весь мир еще спал».

Борясь с кознями дьявола и происками сатаны, церковь не решалась оставить свою паству совсем без чудес, прекрасно понимая, что, оставив верующих без надежды на чудо, она не удержит их в своем лоне. Чудеса совершали святые, канонизированные церковью. Они всегда изображались – и на русских иконах, и на картинах художников Возрождения – с нимбом вокруг головы. Трудно сказать, когда и почему возникла эта традиция. Вот одна из версий, предложенная Стендалем, человеком, скептический ум которого, кажется, был создан для поиска простых и натуральных причин су-

щего. «Нимб святых, – писал Стендаль в „Прогулках по Риму“, – может быть просто изображение электрического явления, которое заметил какой-нибудь послушник, поднявшись до рассвета, чтобы разбудить к заутрене почтенного старца, укрытого шерстяным одеялом».

Закончить эти заметки мне хотелось бы мудрым советом древнегреческого историка Полибия, жившего во II веке до нашей эры, тогда, когда и люди, и их боги были язычниками:

«В тех случаях, когда можно найти причину происходящего, не следует обращаться за помощью к богам».

«Наука и жизнь», 1999, № 12.

(Из цикла «Исторические миниатюры»)

Шесть этюдов из Данте

*Я в преисподней был и в третьей сфере,
Куда воображением проник —
С намереньем последнею из книг
Развлечь потомков и наставить в вере.*

Джованни Боккаччо. «Мне имя Данте...»

В июле (на самом деле – 14 сентября. – А. Ш.) 1321 года в романской Равенне скончался флорентиец Данте Алигьери по возвращении из поездки в Венецию, порученной ему синьорами да Полента, у которых он жил. Был похоронен в Равенне у врат кафедрального собора с большими почестями, подобающими поэту и великому философу. Он умер изгнанником флорентийской коммуны в возрасте пятидесяти шести лет. Так писал в своей «Новой хронике, или Истории Флоренции» Джованни Виллани, современник и первый биограф великого поэта, ненамного его переживший и умерший во время страшной чумы 1348 года.

В отличие от биографа знаменитый поэт в своей великой «Комедии» («Божественной» ее называли поклонники Данте спустя три с лишним столетия) не писал историю Италии, хотя его труд содержит бездну исторических (и мифологических тоже) реалий – имен и событий. Он не излагал их в хронологической последовательности, как это сделал бы ис-

торик, и не использовал их для создания каких-либо концепций, как поступил бы философ истории. В своем художественном произведении Данте рассказал о людях (даже когда повествовал о мифических персонажах) и дал им нравственную оценку. Впрочем, нет.

Оценки людям и их деяниям давал, конечно же, Всевышний. А Данте (и в этом еще одно оправдание, помимо чисто литературного, названия поэмы – «Комедия») вместе со своим проводником и наставником Вергилием лишь получил возможность воочию увидеть результаты того, как судил Всевышний. При этом создатель «Комедии», подобно Пушкину (помните: «Ай да Татьяна, какую штуку выкинула – замуж вышла за генерала»), порой удивлялся, когда встречал кого-нибудь не там, где ожидал увидеть, не в том кругу Ада или Чистилища.

Не нам судить о справедливости или несправедливости решений Всевышнего по размещению персонажей Данте в кругах Ада, Чистилища или Рая. Наша задача много скромнее: дать читателю возможность познакомиться с некоторыми персонажами книги поближе, чем позволяют обычные комментарии к «Божественной комедии». Для этого были выбраны всего лишь шесть персонажей, те, кто, как и Данте, жил в основном в XIII веке и деяния которых непосредственно отразились на его жизни.

Гвельфы и Гибеллины

*Уже меня окликнул мой возгатый;
Я молвил духу, что я речь прерву,
Но знать хочу, кто с ним в земле проклятой.
И он: «Здесь больше тысячи во рву;
И Фредерик второй лег в яму эту...»*

*Ад, Песнь 10, строфы 115–119. (Здесь и далее – перевод
М. Лозинского.)*

Дух, с которым у раскаленных могил беседовал Данте, был Фарината дель Уберти, глава флорентийских гибеллинов – с ними когда-то враждовали предки поэта, принадлежавшие к партии гвельфов. А Фредерик второй – это Фридрих II, император Священной Римской империи, попавший в Ад в 1250 году.

Начиная с Карла Великого, те, кто претендовал на титул императора – империя называлась то Римской, то Священной, пока в XII веке не утвердилось название Священной Римской империи, – короновались в Риме. Императоры избирались курфюрстами: тремя архиепископами – Кельна, Майнца и Трира и четырьмя светскими правителями – Бранденбурга, Саксонии, Богемии и Рейнской марки. Последние сто – сто пятьдесят лет до рождения Данте в 1265 году императорами избирались главным образом представители династии Гогенштауфенов: Фридрих I Барбаросса, его сын Ген-

рих VI и внук Фридрих II, тот самый, о котором в Аду, среди разверстых пылающих могил поведал несчастный Фарината.

Но на императорском троне до Фридриха II был представитель другой могущественной германской династии – Вельфов – Оттон IV. Эти два рода – давние соперники, и в раздробленной Италии у каждого из них были свои сторонники: гибеллины (по искаженному названию родового замка Гогенштауфенов Вайблинген) и гвельфы (по названию династии Вельфов). Папская область в то время – всего лишь одно из небольших государств на территории, разрушенной варварами империи Древнего Рима, государств, которые враждовали и воевали друг с другом. Римские понтифики возлагали короны на головы могучих пришельцев с севера чаще всего с одной целью – чтобы императорская армия, выражаясь сегодняшним языком, служила им «крышей». Императоры должны были защищать папу, но делали это совсем не бескорыстно. И проблема заключалась не только в том, что они беззастенчиво грабили страну. Многие из них – и в этом особенно преуспел Фридрих II – были настоящими безбожниками.

Известный историк советский академик Е. В. Тарле писал: «Фридрих II – лицо поистине замечательное в европейской истории;

это вполне человек переходной эпохи, эмансипированный от старых верований, не заменивший их никакими новыми...» Чего только стоят приписываемые ему слова: «Будда,

Христос и Магомет – три великих обманщика!»! Чрезвычайно одаренный, умный, широко образованный, покровительствовавший наукам и искусствам (это он основал в Неаполе старейший в Европе университет, в котором могли учиться не только христиане, но и магометане, и последователи иудаизма), Фридрих II был вместе с тем прекрасным дипломатом и практичным политиком. Он вел совершенно свободный, эпикурейский образ жизни, не считаясь ни с какими условностями, что вызывало в Ватикане особенно сильные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.